

Аинско-русский словарь.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А36

А36 Аинско-русский словарь. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 660 с.

ISBN 978-5-4241-5163-7

ISBN 978-5-4241-5163-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ АВТОРѢ СЛОВАРЯ.

Поводный авторъ издаваемого мною Англо-Русскаго словаря Михаилъ Михайловичъ Добросворскій не можетъ самъ рекомендовать себя ученому міру. А между тѣмъ его словарь, по моему убѣжденію, есть учене произведеніе сколько неожиданнымъ, столько же и замѣчательное. Поэтому и считаю обязательнымъ для себя и интереснымъ для читающей публики познать о немъ съ интересной личностью автора Англо-Русскаго Словаря. Михаилъ Ивановичъ Добросворскій родился въ 1836 г. отъ бѣднаго священника Нижегородской губерніи, Арзамаснаго уѣзда, села Стрѣли, и былъ одинъ изъ 22 дѣтей его, послѣдній изъ 7 братьевъ, получившихъ полное образованіе и поступившихъ на службу. Физическая природа его, со дня его рожденія, отличалась болѣзненностію. Кромѣ многихъ другихъ болѣзней, неразлучныхъ съ бѣднымъ сельскимъ бытомъ, онъ непрерывно вырывался все его тѣло, съ теменію до пятъ, поростами, производившими нестерпимый зудъ. Отецъ его, *благословъ старій* семинаристъ, свободно говорившій латынью и польскимъ, былъ необыкновенно добрый человекъ; но по невсильности неспособный передать свои знанія дѣтямъ, и самъ былъ совершенное дѣтя въ жизни. Поэтому мать, очень умная аристократка, сама обучала его грамотѣ, какъ и всѣхъ старшихъ его братьевъ, и сама отвезла его въ 1846 г. въ Арзамасское духовное училище для образованія, въ надежду священства. Къ счастью для него, начальство училища было въ то время весьма гуманное; разумеется—относительно. Смотрителемъ училища былъ добрякъ и простакъ Н. П. Л., а инспекторомъ самый старшій родной братъ его—Клавдіанъ, съ которымъ

онъ и жилъ въ одномъ домѣ „на квартирѣ“. Какъ сами они не любили наказывать дѣтей, такъ и другимъ учителямъ запрещали это, по возможности, въ то свирѣпое время школьнаго воспитанія въ духовныхъ училищахъ, такъ что мальчики учились *волью* и, по правдѣ сказать, хорошо. Инспекторъ—братъ, человекъ въ высшей степени человѣколюбивый, постоянно окруженный просителями-духовными и крестьянами и всѣмъ помогавшій деньгами, совѣтами, писаніемъ прошеній и пр., по моему мнѣнію, имѣлъ большое вліяніе на образованіе его нравственнаго характера; а общирное образованіе его (онъ окончилъ курсъ въ Московской духовной Академіи) и примѣры старшихъ братьевъ, учившихся всегда въ числѣ первыхъ, имѣли вліяніе на его умственное развитіе. Перешедши въ Нижегородскую Семинарію въ 1852 году, онъ жилъ съ своимъ братомъ Василиемъ, старшимъ его по курсу и бывшимъ впоследствии однимъ изъ образованнѣйшихъ священниковъ Нижегородской губерніи. Даровитые семинаристы того времени учились *шутя* и имѣли много свободного времени. Старшій братъ его Василій какъ самъ былъ пристрастенъ къ чтенію литературныхъ произведеній, такъ и въ немъ возбуждѣла охоту къ этому занатію. Кромѣ того М. М. попалъ въ курсъ товарищей очень даровитыхъ, изъ которыхъ нѣсколько человекъ занимали и занимаютъ кафедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ. Эти бѣдные во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ дарованій, духовные юноши обыкновенно съ перваго отдѣленія семинаріи или по старому со словесности, начинали ментать о средствахъ и возможности попасть въ Академію (духовную), Университетъ или Медико-хирургическую Академію. Онъ порѣшилъ учиться въ Медико-хирургической Академіи и одѣваться „дѣкаремъ“. Не смотря на это М. М. учился духовнымъ наукамъ хорошо и соперничалъ въ первенствѣ съ своими даровитыми товарищами; потому, какъ онъ сознавалъ тогда уже и много разъ говаривалъ мнѣ послѣ, что богословское образованіе сильно содѣйствуетъ развитію систематическаго мысленія во всѣхъ другихъ наукахъ. Окончивши курсъ въ Нижегородской семинаріи въ числѣ первыхъ студентовъ, онъ выдержалъ экзаменъ въ Нижегородской гимназіи для поступления въ Медико-хирургическую Академію и поступилъ туда въ 1859 г. Съ жадностію принялъ онъ за изученіе совершенно новыхъ для него наукъ и, вѣроятно, былъ замѣ-

день надвѣтвомъ, потому что очень скоро получили казенную стипендію въ 300 р. Съ каждою добросовѣстностію онъ занимался своимъ дѣломъ, можно заключить изъ того, что онъ, не смотря на увѣщанія старшихъ братьевъ, предпочелъ остаться во второмъ курсѣ единственно потому, что не изучилъ, какъ слѣдовало, по его мнѣнію, ботанику, да еще не первую науку въ медицинскомъ образованіи, рискуя при этомъ лишиться стипендіи, и остался. При окончаніи курса въ Академіи, онъ хотѣлъ держать экзаменъ, прямо на степень доктора медицины; но вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами отважался отъ этой мысли въ досадѣ на то, что весьма многие товарищи его курса подали прошеніе о допущеніи ихъ въ экзамену на степень доктора медицины въ надеждѣ (какъ практиковалось тогда въ Академіи), что удовлетворительные ихъ баллы на степень доктора будутъ признаны весьма удовлетворительными на степень лѣкаря. Послѣ экзамена конференція Медико-хирургической Академіи 18 декабря 1865 г. удостоила его степени лѣкаря, и онъ немедленно изъявилъ согласіе отправиться на службу въ Восточную Сибирь за казенное воспитаніе. Рѣшеніе это вызвало протестъ родныхъ, чужбныхъ видѣть въ немъ лѣкаря, практика, т. е. богача-покровителя, и особенно родителей, надѣявшихся обезсмертить свою старость при помощи послѣдняго любимого сына. Но всегда твердый въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ поѣхалъ въ „главань св. Ольги“ и притомъ „совершенно равнодушно праястванисъ съ Петербургомъ“, дакъ значится въ его описаніи путешествія туда. Причины этого записаны: „агонизмъ жителей (?), недостатокъ честолюбія во мнѣ самомъ, дороговизна содержанія (мнѣмая) при плохихъ средствахъ, сильная склонность къ развѣсрабію, желаніе путешествовать, необходимости обезпечить себя на первый разъ и въ будущемъ (10 лѣтъ до пенсіи), привиллегія приморской области и равная надежда на будущее“. Но главнымъ побужденіемъ отправиться въ далекую страну, можетъ быть, не совсемъ отчетливо сознаваемымъ тогда, была либоначальность его и ученое честолюбіе или желаніе изучить флору и фауну отдаленныхъ Морей, а также нравы малоцивилизованныхъ народовъ и народцевъ. При хорошемъ образованіи общемъ, богословскомъ, и медицинскомъ, проживаніе его среди полудикихъ народцевъ, конечно, давало ему хорошія средства заявить себя ученому міру. Онъ не попалъ впрочемъ въ паравъ

св. Ольги; и, проживши нѣсколько времени въ Восточной Сибири, въ 1867 г. былъ командированъ на островъ Сахалинъ, гдѣ и прослужилъ болѣе пяти лѣтъ, въ послѣднее время старшимъ врачомъ 4-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона.

Отправляясь на службу въ Восточную Сибирь, М. М. большую часть своего достоянія, полученнаго имъ отъ казны въ видѣ двойныхъ прогоновъ и годоваго жалованья, употребилъ на приобретение медицинскихъ книгъ и инструментовъ, такъ что начиная отъ Нижняго-Новгорода долженъ былъ вѣхать при помощи своего товарища, отправившагося на службу туда-же. Сначала служба казалась ему легкой, но скоро запасъ научныхъ пособій у него встопился; выписываемыя изъ Петербурга книги приходили къ нему чрезъ 1 $\frac{1}{2}$, и 2 года. Попавши на о. Сахалинъ, онъ очутился, можно сказать, въ дремучемъ лѣсу: въ сыромъ и туманномъ климатѣ, съ морскими вѣтрами и дѣвственными лѣсами, въ обществѣ Сибирскихъ солдатъ, дикихъ аборигеновъ—Айновъ и чванливыхъ невѣжды Японцевъ, а потомъ и отъявленныхъ каторжниковъ. Человѣкъ съ менѣе твердымъ характеромъ могъ потеряться, какъ и терались многіе, служившіе на Сахалинѣ. Но его спасла упомянутая мною любознательность: военный медикъ, неистощимый пищикъ уму, съ упрямымъ трудолюбіемъ семинариста припимается за изученіе Айновъ во всѣхъ отношеніяхъ и ихъ языка въ особенности. Къ счастью для него, нѣкоторые товарищи его по тяжелой службѣ также не потерялись: начальникъ Сахалинскаго отряда Ф. М. де-Прерадовичъ, самая свѣтлая личность въ его воспоминаніяхъ, составляетъ Айвскій словарь, подпоручикъ Гарежинъ пишетъ словарь Манзовскій, о. Симеоновъ (священникъ) занимается изученіемъ Айновъ. И вотъ ученый медикъ, воодушевляемый примѣрами, принимается за филологію, но принимается вполнѣ ученымъ образомъ: на помощь филологинъ онъ призываетъ физиологію звуковъ. Предварительно онъ изучаетъ климатическія особенности Сахалина, можно сказать, пѣшкомъ, и потомъ приступаетъ къ изученію языка Айновъ и ихъ быта при восточныхъ сношеніяхъ съ ними въ качествѣ врача. Плодомъ этихъ занятій были слѣдующіе чисто ученые труды его: 1) Отчетъ о состояніи здоровья войскъ на южномъ Сахалинѣ за 1868 годъ; въ которомъ онъ первый подробно описалъ физико-географическія условія и топографію этого края. Часть этого

отчета напечатана была въ №№ 2 и 3 извѣстій Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1870 г. Въ продолженіи къ этому отчету онъ между прочимъ разработалъ вопросъ объ отношеніи объемовъ груди, роста и вѣса тѣла, возраста и лѣтъ службы къ болѣзненности солдатъ, и пришелъ, какъ ему казалось, къ важнымъ заключеніямъ. Сибирскій отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества въ 1873 году выразилъ намѣреніе отпечатать и это продолженіе. 2) Сочиненіе о правописаніи Аинскихъ словъ, въ которомъ онъ первый разъяснилъ вліяніе Сахалинской природы на звуки Аинской рѣчи. Отвѣвъ объ этомъ сочиненіи помѣщенъ въ № 1 Извѣстій Сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества за 1872 годъ; а самое сочиненіе предположено, по разсмотрѣніи его въ Академіи Наукъ, напечатать въ запискахъ Географическаго общества. За это сочиненіе онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества и представленъ къ малой золотой медали. 3) Сочиненіе о кишечноыхъ паразитахъ о. Сахалина, которое напечатано въ ноябрьской книжкѣ военно—Медицинскаго журвала за 1872 годъ и содержитъ въ себѣ рѣшеніе многихъ новыхъ и весьма важныхъ вопросовъ относительно жизни этихъ паразитовъ. По мѣнью одного ученаго профессора медицины оно было вполне достаточно для удостоенія автора степени доктора медицины. 4) Сочиненіе о Русской народной медицинѣ сравнительно съ народной медициной Сахалинскихъ Айвовъ, напечатанное въ Запискахъ общества врачей г. Казани за 1873 г. Въ этомъ сочиненіи разсмотрѣны всѣ главныя заблужденія нашей простонародной медицины, вліяющія пагубно на общественное здоровье. Нѣтъ нужды говорить, что вопросъ о простонародной медицинѣ новый въ наукѣ и весьма мало разработанный. Наконецъ 5) Аинскій словарь, издаваемый мною теперь, самый полный изъ всѣхъ изданныхъ доселѣ въ Россіи и заграничій, о которомъ я скажу нѣсколько подробнѣе въ предисловіи. Кромѣ того въ рукописяхъ, оставшихся послѣ него находится много интересныхъ статейъ и замѣтокъ о разныхъ предметахъ. Самыя интересныя замѣтки его объ Айпахъ будутъ напечатаны въ приложеніяхъ къ этому словарю.

Но плодомъ усиленныхъ занятій и службы на Сахалинѣ вообще была также чакотка, сведшая М. М. въ могилу.

Наклонность къ чахоткѣ, несвойственной нашему роду, рано показала въ его болѣзненномъ тѣлѣ. Еще въ семинаріи на 18 году жизни у него было первое кровохарканіе. Занятія въ Медико—хирургической Академіи и петербургскій климатъ усилили эту наклонность, такъ что послѣ нѣсколькихъ кровохарваній, бывшихъ тамъ, онъ поѣхалъ на службу въ Восточную Сибирь съ довольно значительнымъ расстройствомъ груди, известнымъ на деликатномъ языкѣ врачей подъ именемъ катарра дыхательныхъ путей. Туманный и сырой климатъ Сахалина и особенно обстановка службы на немъ не могли быть благопріятны для его слабой груди. Во время его службы тамъ (1867—72 г.) Русскіе занимали южный Сахалинъ военными постами, расположенными на 700 верстѣ въ окружности. При постройкѣ большихъ постовъ ему приходилось находиться лично самому для пользованія неизбѣжныхъ въ это время травматическихъ поврежденій и постоянно развивавшейся при этомъ у солдатъ и офицеровъ цынги, жить въ палаткахъ или землянкахъ до поздней осени и питаться долго сухарями и солониною. При этомъ онъ долженъ былъ путешествовать пѣшкомъ, по неимѣнію даже вьючныхъ дорогъ, въ другіе посты за 200 и 300 верстѣ для судебно-медицинскихъ вскрытій, осмотра военныхъ командъ и поданія помощи тяжело заболѣвшимъ; во время такихъ путешествій ему приходилось часто почевать въ лѣсу подъ проливнымъ дождемъ или на снѣгу, и переходить въ бродъ частія на Сахалинѣ рѣчки, и иногда въ то время, когда по нимъ несло ледъ или снѣгъ. Отъ всѣхъ этихъ причинъ у него появились легочныя кровотеченія, о которыхъ онъ доносилъ Окружному Военно-медицинскому инспектору, прося перевести его въ лучший климатъ; но это прошеніе его не было уважено, кажется, главнымъ образомъ потому, что не могли найти преемника ему. Окружное начальство Восточной Сибири вѣдало его труды, ученые и служебныя, и утѣшало его орденами св. Станислава 3-й степени и св. Владиміра 4-й ст., три года сряду прикомандировывало его для выдержанія докторскаго экзамена къ клиникамъ Медико-Хирургической Академіи и Казанскаго Университета; но только весной 1872 года могло отпустить съ Сахалина въ Казань со сказанной цѣлью. Въ Казани онъ провелъ довольно сносно зиму 1872—3 года, приготавливаясь къ докторскому экзамену; но въ апрѣлѣ мѣ-

сяцѣ во время одной прогулки за $\frac{1}{4}$ версты у него открылось сильное кровотеченіе, едва не стоившее ему жизни. Второе потомъ повторилось черезъ двѣ недѣли, хотя въ меньшей степени по количеству. Чтобы спастись отъ Казанской пыли, убійственной и для здоровой груди, онъ уѣхалъ въ село Кемлю Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда, лежащее на рѣкѣ Алатырѣ и окруженное богатыми хвойными лѣсами, гдѣ онъ надѣялся поправиться настолько, чтобы быть въ состояніи держать докторскій экзаменъ въ сентябрѣ 1873 года. Но 15 ноября этого года онъ рапортовалъ Военно-медицинскому инспектору Восточно-Сибирскаго Военнаго округа, что съ апрѣля мѣсяца до отсылки рапорта у него „было уже 17 разъ кровохарканіе и 2 раза изнурительныя легочныя кровотеченія“. Изъ писемъ ко мнѣ видно, что кровохарканіе у него продолжалось до февраля, когда совсѣмъ прекратилось. Но, пробывши въ отпуску болѣе 4 льготныхъ мѣсяцевъ, онъ долженъ былъ подать въ отставку и просить для содержанія выслуженную имъ половинную пенсію по послѣднему овладу. Высочайшимъ приказомъ отъ 14 іюля онъ дѣйствительно уволенъ былъ въ отставку; но увѣдомленія о назначеніи ему половинной пенсіи (264 р. 37 к. въ годъ), полученнаго въ Казани 18 ноября 1874 г., не дождался. Въ половинѣ іюня этого года я посѣтилъ его, и состояніе здоровья его не могло возбуждать опасеній за жизнь. Отъ 14 августа онъ извѣщалъ меня, что отъ катанья на лодкѣ, купанья и прогулокъ въ сосновомъ лѣсу очень поправился здоровьемъ, и высказывалъ надежду на окончаніе своихъ начатыхъ ученыхъ трудовъ. А 5-го октября писалъ мнѣ: „1-го октября я праздновалъ свои собственныя именины, на которыхъ съ удовольствіемъ припоминалъ, что мнѣ стукнуло 38 лѣтъ, такъ какъ чахотка, чѣмъ старше человекъ, тѣмъ медленнѣе подвигается впередъ и даже можетъ пріостановиться... Надежда протянуть свою жизнь еще не покинула меня“. Но 14 октября онъ извѣщалъ меня: „недавно я похвалился относительно безопасностью своей болѣзни. Вчера, когда я заснулъ послѣ ужина, опять хлынула горломъ кровь въ такомъ почти количествѣ, какъ во второй разъ въ Казани. Натекло полтаза и полгоршка... Такъ какъ послѣ такого кровотеченія можетъ явиться другое такое же или еще болѣе, которое можетъ убить меня неожиданно; то я счелъ нужнымъ написать тебѣ мою послѣд-

нюю волю"... Но неожиданной смерти М. М. ожидалъ: 28 числа въ полночь онъ окончилъ письмо ко мнѣ или, лучше сказать, свой скорбный листъ, въ которомъ съ обстоятельностью посторонняго наблюдателя врача описалъ скоротечное исхуданіе со всѣми грозными признаками приближающейся смерти. Онъ чувствовалъ ее уже въ своемъ организмѣ; потому что первый разъ въ жизни окончилъ послѣднее письмо свое ко мнѣ словомъ „прощай“. Но все же второе кровотеченіе 24 октября убило его нѣкоторымъ образомъ неожиданно—во время послѣбѣденнаго сна: все утро этого роковаго дня онъ чувствовалъ себя хорошо, былъ веселъ и шутилъ по своему обычаю.— Миръ праху твоему, честный труженикъ науки!

Но я не исполнилъ бы братняго долга по отношенію къ Мих. М., еслибы ничего не сказалъ о его нравственныхъ качествахъ, проявившихся особенно въ его житейскихъ отношеніяхъ. Это былъ человекъ въ высокой степени благородный, правдивый и честный; его военная служба, давши военную выправку, придала ему даже нѣкоторую педантичность въ сознаніи долга. Ни для кого и ни для чего онъ не оставлялъ дѣла, которое долженъ былъ или считалъ своимъ долгомъ сдѣлать. Такое отношеніе къ *дѣлу*, безъ сомнѣнія, ускорило его смерть. Сознаніе долга развило въ немъ трудолюбіе и рѣдкую твердость характера, побѣждавшую его тѣлесныя немощи. Профессоръ В., прочитавшій его предсмертное письмо или скорбный листъ, удивился какъ твердости руки, такъ и присутствію духа въ умирающемъ. Лѣности, хитрости, обмановъ онъ не могъ терпѣть даже въ другихъ, въ какихъ бы видахъ эти качества ни проявлялись; но самихъ владѣльцевъ этихъ качествъ никогда не отталкивалъ отъ себя, а только жалѣлъ. Необыкновенно веселый и остроумно-шутливый онъ; начиная со школьной скамьи до послѣднихъ лѣтъ службы, относился ко всѣмъ съ крайней гуманностью и всѣхъ привлекалъ къ себѣ своимъ благодушіемъ. Товарищи по семинаріи, по академіи и по службѣ все одинаково въ восторгъ при воспоминаніи о немъ: это я много-много разъ слышалъ и отъ сельскихъ священниковъ, и отъ профессоровъ высшихъ заведеній и отъ Сахалинскихъ офицеровъ, по отзыву которыхъ это былъ великолѣпнѣйшій человекъ, каковаго они знавали въ жизни“ (буквальныя слова Ѳ. М. де-Прерадовича, навѣстившаго меня въ Казани въ

1879 г. для справки о М. М.). Онъ никогда не скрывалъ своихъ талантовъ и при первомъ маневреніи свѣшилъ на помощи близкимъ: въ училищѣ и семинаріи, рискуя отѣтственностію, онъ помогалъ товарищамъ писать задачи; въ Медико-хирургической Академіи помогалъ товарищамъ приготовляться въ экзаменамъ, а во время вакацій дѣлилъ крестьянъ на тѣ скупыя подарки, которые давали ему старшіе братья въ чай и подобныя предметы роскоши. А на службѣ у него средства помощи близкимъ значительно расширялись: онъ помогалъ по первому приглашенію и медицинскими совѣтами: съ рецептами, за которые никогда не бралъ ни копѣйки, и еще болѣе своими душевными качествами. Измѣняетъ Сахалинскому офицеру Г. вѣвста, оставшаяся въ Россіи, и выходитъ замужъ за другаго, — онъ свѣшилъ излить свое горе въ письмѣ къ М. М. и ищетъ его нравственной поддержки; дѣлается тоска у другаго офицера, и онъ свѣшилъ въ М. М. дѣлится отъ тоски, какъ къ человѣку; запиваетъ и безчинствуетъ третій офицеръ, и начальникъ его проситъ письмомъ М. М. не какъ врача, а какъ человѣка, вытрезвить и остепенить его. Въ сохранившейся отъ него перепискѣ такихъ фактовъ много. А неосцѣненные русскіе салдаты буйственно носили его на рукахъ чрезъ рѣки съ весеннимъ льдомъ и чрезъ скользкія скалы за его *человѣческое* вниманіе къ нимъ. — Тоже чувство человѣколюбія заставило его скопить порядочный капиталъ при его ограниченномъ жалованьи и непродолжительной службѣ (въ 5000 р.), который онъ завѣщаніемъ передалъ въ мое распоряженіе для раздачи процентовъ бѣднымъ роднымъ: прошедши всю школу бѣдности, онъ зналъ, что значать для бѣднаго семинариста или сироты — поповны нѣсколько рублей. Хотя онъ увѣрялъ меня, что этотъ капиталъ составился случайно по причинѣ выдачи наградъ или жалованья по какой нибудь статьѣ за годъ и болѣе вразъ (что бывало черѣдко) или потому что некуда было тратить деньги на Сахалинѣ; но его переписка убѣждаетъ, что онъ ограничивалъ себя въ средствахъ, имѣя въ виду помощь роднымъ-сиротамъ. Когда онъ долженъ былъ выйти въ отставку, то, чтобы не трогать упомянутаго капитала, сразу сократилъ свои ничтожные расходы по содержанию на половину и рѣшился брать за практику у сосѣднихъ помѣщиковъ, весьма впрочемъ состоятельныхъ, оправдываясь предо мной въ нарушеніи своего принципа без-

мезднаго лѣченія тѣмъ, что *эти* больные *должны* платить за его здоровье, которое онъ расходуетъ на излѣченіе ихъ болѣзней. И дѣйствительно предпоследній мѣсяць предъ смертію сентябрь онъ лѣчилъ г-жу П., жившую за три версты отъ него, пріостановилъ на время развитіе у нея той же болѣзни, какой страдалъ самъ, но за то усилилъ свою болѣзнь утомленіемъ и простудой, пересталъ ѣздить въ ней въ ожиданіи расплаты и вскорѣ погибъ отъ кровотеченія.

Мнѣ хотѣлось бы много еще сказать о покойномъ авторѣ Аинско-русскаго Словара; но, связанный съ нимъ братскими узами и вспоминая его замѣчательную скромность относительно его ученыхъ трудовъ и превосходныхъ качествъ, я *считаю* *даже* окончить рассказъ о немъ душевнымъ пожеланіемъ усердному труженику науки и честному человѣку неувядающей славы и вѣчнаго упокоенія.

Проф. Каз. Унив. М. Добротворскій.